

БЫЛОЕ

№ 13

1918, КНИГА 7, ИЮЛЬ.

Молодость Г. В. Плеханова.

Воспоминанія.

— Вотъ, господа, пріѣхаль съ юга мой другъ, отчаянный бунтарь, нелегальный. Если его арестуютъ, то непременно повѣсятъ. Надо, поэтому, устроить его въ наиболѣе надежномъ мѣстѣ.

Такъ мой старый другъ, довольно извѣстный въ семидесятыхъ годахъ революціонеръ, Иванъ Ѳедоровичъ Фесенко, рекомендовалъ меня на «общей квартирѣ» своимъ товарищамъ. Изъ нихъ я зналъ, по Кіеву, одного лишь, носившаго кличку «Титычъ», о которомъ подробно расскажу ниже. Кромѣ него, лежавшаго на разостланномъ на полу пледѣ, съ книгой въ рукахъ, нѣсколько человѣкъ помѣщались на стульяхъ и подоконникахъ.

Это было въ срединѣ 1876 г. За мною не числилось тогда особенно серьезныхъ преступленій. Къ тому же въ то время политическихъ преступниковъ не приговаривали къ смертной казни. Поэтому заявленіе Фесенко, что меня повѣсятъ, было гиперболой.

«Общая квартира» помѣщалась въ первомъ этажѣ деревяннаго дома, окна которой выходили на Большую Дворянскую улицу, куда свободно доносилось чуть не каждое слово. Находившіеся въ ней молодые люди стали обсуждать, гдѣ меня помѣстить. При этомъ, кажется, старшій изъ двухъ братьевъ Воскресенскихъ, студентовъ медико-хирургической академіи, произнесъ фамилію Плеханова, квартиру котораго онъ считалъ вполне надежной, безопасной, съ чѣмъ тутъ же согласились остальные.

Сбѣгавъ къ Плеханову справиться, можно-ли мнѣ у него поселиться, онъ, спустя короткое время, вернулся и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ.

Квартира Плеханова, находившаяся очень близко, состояла изъ трехъ по-студенчески меблированныхъ комнатъ, изъ которыхъ одну занималъ онъ вмѣстѣ съ товарищемъ-однокурсникомъ Успенскимъ, въ другой помѣщалась медичка Смирнова, ставшая вскорѣ затѣмъ женой Плеханова; третья комната служила для нихъ общей столовой,—въ ней на диванѣ меня и помѣстили.

Воскресенскій, вѣроятно, сообщилъ Плеханову и его соквартирантамъ, какимъ «опаснымъ человѣкомъ» я являюсь, но никто изъ нихъ рѣшительно ничѣмъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго за себя страха, хотя по тѣмъ временамъ они подвергались громадному риску за скриваніе «нелегальнаго».

Всѣ трое были вѣжливы, предупредительны, но все же особеннаго радушія, теплоты, къ чему мы, южане, такъ привыкли, я ни въ комъ изъ нихъ не замѣтилъ. Плехановъ отчасти тутъ же далъ этому приему объясненіе, сообщивъ мнѣ о предстоявшемъ ему съ товарищемъ переходномъ экзаменѣ. Поэтому, послѣ обыкновеннаго студенческаго ужина, онъ съ Успенскимъ удалился въ ихъ комнату, откуда долго потомъ доносились ихъ голоса, повторявшіе какой-то курсъ.

Своей внѣшностью и костюмомъ Плехановъ, — въ противоположность почти всѣмъ тогдашнимъ революціонерамъ, — нисколько не походилъ на «нигилиста»: онъ одѣвался чисто, аккуратно, но безъ претензій на франтовство; волосы на головѣ причесывалъ назадъ, небольшую темно-русую бородку своевременно подстригалъ; между тѣмъ какъ многіе изъ насъ тогда рѣдко прибѣгали къ ножницамъ и гребню, почему волосы наши находились въ «живописномъ безпорядкѣ».

Манерами, приемами и обращеніемъ Плехановъ также рѣзко отличался отъ насъ: онъ былъ вѣжливъ, корректенъ, производилъ впечатлѣніе «благовоспитаннаго молодого человѣка», ну, а наши «нигилистячія замашки» приобрѣли громкую, всемірную извѣстность.

Припоминая теперь этого въ описываемое мною время всего девятнадцатилѣтняго юношу и сравнивая его съ тѣмъ Плехановымъ, какимъ онъ былъ въ болѣе пожиломъ возрастѣ, я не нахожу особенно большой разницы, какъ въ его внѣшности, такъ и въ манерахъ, приемахъ, характерѣ: общій типъ остался почти безъ измѣненія. До старости сохранился смугловатый цвѣтъ его лица, осталась военная осанка, и очень мало посѣдѣли его волосы.

Женщины находили его красивымъ; но, при вполнѣ правильныхъ чертахъ лица, въ немъ было нѣчто монгольское, что онъ самъ объяснялъ татарскимъ происхожденіемъ отдаленныхъ его предковъ и на что, по его же словамъ, указываетъ фамилія: Пле-хан-овъ.

У него было очень выразительное, умное лицо, сразу обращавшее на себя вниманіе. Особенно замѣчательны были его, казалось, пронцавшіе собесѣдника насквозь темно-каріе глаза, смотрѣвшіе то сурово изъ-подъ чрезвычайно густыхъ бровей и длинныхъ рѣсницъ, то съ иронической насмѣшкой.

Уже тогда онъ являлся разносторонне-образованнымъ юношей. Чего только не зналъ онъ? Военныя науки онъ усвоилъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, которыя онъ окончилъ; прекрасно зналъ математику, физику, химию и другія точныя науки, преподававшіяся въ горномъ институтѣ. При этомъ онъ не довольствовался штудированіемъ руководства, а читалъ еще много спеціальныхъ сочиненій, почему своими знаніями, — по свидѣтельству его сокурсниковъ, — вызывалъ изумленіе, какъ среди товарищей, такъ и профессоровъ. Само собою разумѣется, что съ юныхъ лѣтъ онъ запоемъ читалъ рѣшительно все, что только доставалъ,

по беллетристикѣ, исторіи, публицистикѣ и пр. Изъ языковъ, кромѣ родного, онъ зналъ тогда только французскій, на которомъ съ дѣтства свободно изъяснялся.

Отецъ его,—деспотически строгій, требовательный и аккуратный, при этомъ благородный, умный и для своего времени довольно образованный отставной штабъ-ротмистръ гусарскаго полка,—самъ любившій книги, тѣмъ не менѣе, видя чрезмѣрную страсть къ нимъ у маленькаго сына и боясь за его здоровье, старался привлекать его къ физическимъ упражненіямъ, — къ верховой ѣздѣ, плаванью и пр. При этомъ онъ говорилъ часто сынку:

— Не читай такъ много, Жоржъ, а то, смотри, мозгъ высушишь!

Память да и, вообще, умственные способности съ дѣтскихъ лѣтъ были у Георгія Валентиновича разнообразныя и необыкновенныя.

Когда наступило время опредѣлить его въ учебное заведеніе, отецъ, три сына котораго готовились быть военными, хотѣлъ, чтобы меньшей, предпоследній, пошелъ по гражданской части, такъ какъ, — утверждалъ онъ, — съ освобожденіемъ крестьянъ наступила новая эра, и Россіи нужны уже не столько военные, сколько лица, занимающіяся свободными, гражданскими профессіями. Но мальчикъ, начитавшійся разныхъ военныхъ книгъ, ни за что не хотѣлъ быть «штафиркой», а, такъ какъ, на ряду съ другими чертами, онъ унаслѣдовалъ отъ отца упрямство, настойчивость, то послѣднему пришлось уступить.

Марья Федоровна, мать Георгія Валентиновича, добрая, мягкаго характера, любящая, къ тому же хорошо образованная женщина, урожденная Бѣлинская, приходившаяся, какъ утверждали, племянницей великому нашему критику, — сама подготовила своего необыкновенно даровитаго сына; не имѣя еще десяти лѣтъ, онъ превосходно сдалъ экзаменъ, и лѣтомъ 1866 г. былъ принятъ во второй классъ воронежской военной гимназіи, въ которой уже обучался одинъ изъ старшихъ его братьевъ.

Какъ въ военной гимназіи, такъ затѣмъ и въ константиновскомъ училищѣ, Плехановъ рѣзко выдѣлялся среди сверстниковъ не только своими способностями, развитіемъ и любознательностью, но также всегда образцовымъ исполненіемъ всѣхъ требованій начальства по части дисциплины и субординаціи.

Встрѣченный со стороны старшихъ, болѣе здоровыхъ и сильныхъ товарищей, какъ было принято въ тѣ времена, побоями и всякаго рода преслѣдованіями, маленькій новичекъ никогда не жаловался на обидчиковъ, стараясь самъ раздѣливаться съ ними. Вскорѣ онъ сталъ общимъ любимцемъ: своими знаніями, находчивостью и остроуміемъ онъ изумлялъ всѣхъ уже въ военной гимназіи. Къ нему обращались товарищи за разными поясненіями, которыя «всевѣдущій Жоржъ Плехановъ» охотно всѣмъ давалъ.

Къ слову: вынесенныя Георгіемъ Валентиновичемъ изъ

военныхъ учебныхъ заведеній благородныя черты,—рыцарство, джентльменство, онъ, какъ извѣстно, сохранилъ до смерти.

Окончивъ блестящимъ образомъ военную гимназію, а затѣмъ поступивъ въ Константиновское училище, Георгій Валентиновичъ намѣревался продолжать образованіе въ академіи генеральнаго штаба. Принимая во вниманіе его изумительныя дарованія, настойчивость, выдержку и дисциплинированность, можно съ увѣренностью сказать, что на военномъ поприщѣ онъ достигъ-бы очень высокыхъ ступеней. Но, какъ извѣстно, онъ рѣшилъ оставить эту карьеру.

Причиной этой перемѣны въ его намѣреніи явилось происходившее тогда—въ 1873—74 г.г.—революціонное движеніе, слухи о которомъ дошли и до юнкеровъ Константиновскаго училища: какъ и многіе представители нашей передовой молодежи того времени, Плехановъ также сталъ «кающимся дворяниномъ». Онъ, поэтому, отказался отъ лелѣяннаго имъ съ самаго ранняго дѣтства намѣренія «сдѣлаться военнымъ полководцемъ» и началъ хлопотать о полученіи разрѣшенія,—не отслуживая обязательнаго для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній числа лѣтъ офицеромъ,—сразу поступить въ высшее гражданское учебное заведеніе.

Настойчивый, какъ во всѣхъ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ, Плехановъ, чтобы добиться увольненія, подалъ просьбу объ этомъ наслѣднику, будущему императору Александру III. Ему не было еще полныхъ семнадцати лѣтъ, когда въ 1874 г. онъ, по обыкновенію превосходно выдержавъ конкурсный экзаменъ по физикѣ и математикѣ, былъ зачисленъ студентомъ горнаго института.

По поводу этихъ экзаменовъ Георгій Валентиновичъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, о слѣдующей встрѣчѣ.

Пришедши на экзаменъ по физикѣ, онъ увидѣлъ въ одной изъ аудиторій высокаго, худощаваго юношу, быстро расхаживавшаго изъ угла въ уголъ, видимо, въ большемъ волненіи. Затѣмъ онъ обратился къ Плеханову съ вопросомъ, намѣренъ-ли и онъ экзаменоваться по физикѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, незнакомецъ заявилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Если сегодня будетъ экзаменовать Краевичъ, то обязательно провалитесь.

— Почему вы такъ плохо обо мнѣ думаете?—изумился Плехановъ.

— Да, если-бы вы знали физику, какъ онъ самъ, то и тогда онъ умудрился-бы васъ срѣзать.

Затѣмъ, удалившись куда-то, онъ вскорѣ вернулся и ликующимъ голосомъ воскликнулъ:

— Ура! Мы спасены: Краевичъ не пришелъ,—будетъ экзаменовать другой профессоръ,—и онъ назвалъ его фамилію.

Этотъ освѣдомленный молодой человекъ оказался прославившимся впослѣдствіи Всеволодомъ Гарпинымъ, съ которымъ Плехановъ затѣмъ очень сблизился.

Когда я поселился у Георгія Валентиновича, онъ держалъ переходные экзамены на третій курсъ. По обыкновению, онъ сдавалъ ихъ прекрасно и своими отвѣтами нерѣдко изумлялъ профессоровъ. Одинъ изъ нихъ даже заспорилъ съ Плехановымъ, найдя какое-то утверждение его неправильнымъ. Но экзаменовавшійся,—кажется, по химіи,—молодой студентъ сослался на Менделѣева и оказался правымъ.

Со смертью отца, происшедшей, когда Георгій Валентиновичъ находился еще въ Константиновскомъ училищѣ, матеріальное положеніе огромной семьи въ сильной степени ухудшилось. Отъ первой жены у отца было три сына и четыре дочери отъ второй, — матери Георгія Валентиновича, — было два сына и три дочери. При неопытности Марьи Федоровны, — отецъ, наоборотъ, былъ образцовымъ, экономнымъ хозяиномъ, — оставшееся послѣ его смерти небольшое имѣніе — с. Гудаловка, въ полтораста—двѣсти десятинъ, — не давало возможности прокормить и воспитать огромную семью, особенно при наступившихъ для помѣщиковъ средней руки трудностяхъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Георгій Валентиновичъ отчасти облегчилъ заботы матери, такъ какъ, превосходно выдержавъ экзамены, онъ получилъ стипендію.

Въ виду замѣчательныхъ успѣховъ и способностей Плеханова, начальство института прочило его въ будущемъ въ профессора. Его и самого прельщала эта перспектива, но судьба, какъ извѣстно, рѣшила иначе, и вскорѣ послѣ нашего знакомства, Плехановъ вновь перемѣнилъ имъ же самимъ избранную мирную карьеру опять на полную опасностей, лишений и страданій—революціонную.

II.

Совсѣмъ незадолго до нашей встрѣчи Георгій Валентиновичъ примкнулъ къ революціонной молодежи. Вотъ, что онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ своихъ извѣстныхъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ: «Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи».

«Какъ и всѣ студенты-революціонеры того времени, — читаемъ мы тамъ на первой страницѣ—я, конечно, былъ большимъ народолюбомъ и собирался «йти въ народъ», понятіе о которомъ было у меня, однако,—опять-таки какъ у всѣхъ насъ, студентовъ-революціонеровъ того времени, — очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Любя «народъ», я зналъ его очень мало, лучше сказать, не зналъ совсѣмъ, хотя и выросъ въ деревнѣ. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Митрофановымъ и узналъ, что онъ рабочий, т.-е. одинъ изъ представителей «народа», въ моей душѣ шевельнулось смѣшанное чувство жалости и какой-то неловкости, — точно будто я въ чемъ-нибудь передъ нимъ провинился».

Въ высшей степени вѣрно опредѣлилъ здѣсь Плехановъ отношеніе тогдашней передовой молодежи къ народу. Впоследствии

мнѣ не разъ приходилось слышать отъ него рассказы, свидѣтельствовавшіе, что, какъ и большинству тогдашнихъ революціонеровъ, «чувство жалости и неловкости» передъ народомъ ему было присуще съ ранняго дѣтства. Приведу одинъ сообщенный имъ мнѣ случай.

Чтобы поправить матеріальное положеніе семьи, мать Георгія Валентиновича рѣшила продать часть имѣнія. Землю эту хотѣли купить крестьяне с. Гудаловки, въ которомъ родился Плехановъ, но они за нее давали меньшую цѣну, чѣмъ предлагалъ какой-то купецъ. Добрѣйшая Марья Федоровна, при всей ея жалости къ крестьянамъ, проявлявшейся ею еще при господствѣ крѣпостнаго права, подъ вліяніемъ нужды, склонялась на сторону купца. Но пріѣхавшій въ это время на каникулы юнкеръ Жоржъ, узнавъ о намѣреніи матери, рѣшительнымъ тономъ заявилъ ей, что этому не бывать: онъ обѣщалъ сжечь хлѣбъ у купца и потомъ объявить объ этомъ, чтобы его осудили. Зная рѣшительность характера своего любимца, мать, конечно, продала участокъ земли крестьянамъ.

Случай этотъ сталъ извѣстенъ населенію Гудаловки, и за молодымъ Плехановымъ навсегда упрочилась тамъ репутація защитника интересовъ крестьянъ.

Такъ, пріѣхавшая съ родины за границу, чтобы повидаться съ братомъ, послѣ тридцати съ чѣмъ-то лѣтней разлуки, Варвара Валентиновна сообщила ему и его женѣ, Розаліи Марковнѣ, что и до сихъ поръ крестьяне с. Гудаловки чтутъ его и вспоминаютъ съ благодарностью.

Когда Розалія Марковна въ финляндской санаторіи, въ присутствіи больного мужа, передала мнѣ объ этомъ, прикованный тяжкимъ недугомъ къ постели Георгій Валентиновичъ, улыбаясь, заявилъ:

— Въ защиту страждущаго я выступилъ много раньше, — когда мнѣ было всего около трехъ лѣтъ.

И, съ присущимъ ему юморомъ, онъ рассказалъ слѣдующее:

— Однажды, когда нянька держала меня на рукахъ, я увидѣлъ зашибленнаго, а потому хромавшаго котенка. Тогда я сталъ настойчиво требовать, что-бы меня она спустила на полъ, а его взяла на руки: «я здоровъ, а у него ножка болитъ», — доказывалъ я. Но нянька нашла это требованіе для себя обиднымъ, и, хотя спустила меня на полъ, но котенка взять на руки рѣшительно отказалась и пошла жаловаться матери: «я, барыня, нанялась ребенка носить, а не котенка», — говорила она.

Къ слову: любовь къ дѣтямъ и животнымъ была въ сильной степени присуща Георгію Валентиновичу въ теченіе всей его жизни.

Указанныя чувства жалости, состраданія ко всѣмъ, при ответственномъ стеченіи обстоятельствъ, обжжковенно и служили въ ту эпоху первыми стимулами, побуждавшими тогдашнюю передовую молодежь вступать «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви». У послѣдовавшихъ за этимъ поколѣній, — начиная

съ «восьмидесятниковъ» и кончая господствующимъ теперь у насъ,—не было этой отзывчивости ко всѣмъ безъ различія «униженнымъ и оскорбленнымъ», доказательствомъ чему могутъ отчасти служить современные намъ жестокіе нравы и приемы.

Вернемся, однако, къ разсказу Плеханова о томъ, какъ произошло его сближеніе съ рабочими и революціонерами.

Предварительно напомнимъ, что по этому поводу распространена легенда, будто-бы Г. В. Плеханова открылъ П. Б. Аксельродъ: переночевавъ, какъ и я, незадолго до моего пріѣзда, у Георгія Валентиновича, онъ затѣмъ обратилъ вниманіе тогдашняго лидера сѣверныхъ народниковъ, М. А. Натансона, на Георгія Валентиновича, послѣ чего и сблизились съ нимъ сѣверные народники ¹⁾.

Въ этомъ разсказѣ заключается нѣкоторое преувеличеніе, по поводу котораго не безъ ироніи прохаживался Георгій Валентиновичъ, утверждавшій, что въ его сближеніи съ Натансономъ и др. П. Б. Аксельродъ не игралъ никакой роли.

Устно и въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Плехановъ довольно подробно излагалъ, какъ произошло его знакомство съ рабочими, а также съ «землевольцами», при чемъ ни единого слова онъ никогда не упоминалъ при этомъ о роли или посредничествѣ П. Б. Аксельрода.

Кажется, черезъ братьевъ-студентовъ Воскресенскихъ, о которыхъ я выше упомянулъ, Георгій Валентиновичъ, осенью 1875 г., познакомился съ извѣстнымъ тогда среди передовой учащейся молодежи выдающимся по своему умственному развитію рабочимъ Митрофановымъ.

«Я увидѣлъ,—разсказываетъ Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— что мой собесѣдникъ читалъ не однѣ только ряженыя ²⁾ брошюры: ему знакомы были сочиненія Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова, и онъ умѣлъ отнестись къ нимъ критически. Журналъ и газета «Впередъ» казались ему недостаточно революціонными: онъ склонялся къ «бунтарству» и отстаивалъ этотъ способъ дѣйствій съ помощью тѣхъ же самыхъ доводовъ, которые приводились обыкновенно «бунтарями» студентами.

«Удивленію моему не было границъ. Личность Митрофанова рѣшительно не входила въ узкія рамки моего сантиментальнаго представленія о «народѣ». За то тѣмъ болѣе заинтересовала она меня. Я сталъ часто встрѣчаться съ Митрофановымъ и жадно разспрашивать его объ его революціонной дѣятельности въ народной средѣ. Изъ всѣхъ слоевъ народа ближе всего ко мнѣ, по моему тогдашнему положенію, были, конечно, петербургскіе рабочіе, и вотъ я засыпалъ своего новаго знакомаго вопросами о томъ, что

¹⁾ См. О. А. Аптекмана: „Общество „Земля и Воля“, А. Н. Потресовъ: „П. Б. Аксельродъ“ и др.

²⁾ Т. е. написанныя, будто-бы, народнымъ языкомъ для лучшаго уразумѣнія ихъ малограмотными Л. Д.

представляютъ они собою. Митрофановъ относился къ нимъ отрицательно. Изъ его словъ выходило, что настоящій народъ это крестьянство, городскіе же рабочіе въ значительной степени развращены и проникнуты буржуазнымъ духомъ, вслѣдствіе чего революціонеры должны итти въ деревню. Подобные отзывы, вполне соответствовавшіе нашимъ собственнымъ представленіямъ о народѣ, не могли возбудить во мнѣ склонности къ ближайшему знакомству съ петербургской рабочей средой, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Митрофановъ оставался единственнымъ, лично мнѣ извѣстнымъ рабочимъ ¹⁾».

Изъ этой обширной выдержки видно, каково было тогда настроеніе самого Плеханова, а также отчасти и лучшихъ представителей тогдашнихъ рабочихъ. Но послушаемъ, что дальше сообщаетъ Георгій Валентиновичъ о первыхъ своихъ сношеніяхъ съ петербургскими рабочими, такъ какъ это чрезвычайно важно для пониманія его настроенія.

Изложивъ довольно подробно всѣ обстоятельства, сопровождавшія происшедшую на его квартирѣ, въ началѣ 1876 г., сходку, въ которой, кромѣ 5—6 интеллигентовъ, приняла участіе и нѣкоторые рабочіе,—Плехановъ заключаетъ такъ свой рассказъ:

«Впечатлѣніе, произведенное ими (рабочими Л. Д.) на меня, было очень сильно. Я совершенно забылъ мрачные отзывы Митрофанова о петербургскихъ рабочихъ. Я видѣлъ и помнилъ только то, что всѣ эти люди, самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежавшіе къ «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, съ которыми я могъ говорить такъ же просто и слѣдовательно, такъ же искренно, какъ со своими знакомыми студентами. Мало того, на тѣхъ изъ нихъ, которые уже отсидѣли извѣстное время въ тюрьмѣ, я смотрѣлъ снизу вверхъ: «я еще ничѣмъ не доказалъ своей преданности дѣлу, а они успѣли уже постоять за него»,—говорилъ я себѣ и смотрѣлъ на нихъ почти съ благоговѣніемъ, какъ смотреть, вѣроятно, всякій олодой, не бывавшій въ передѣлкахъ революціонеръ на опытнаго пострадавшаго за дѣло товарища... Дѣло сближенія съ народомъ, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мнѣ теперь простымъ и легкимъ» (стр. 7).

Въ дальнѣйшемъ Георгій Валентиновичъ сообщаетъ о своихъ посѣщеніяхъ тѣхъ изъ бывшихъ у него на сходкѣ рабочихъ, которые снабдили его своими адресами; при этомъ онъ даетъ мѣткую характеристику сопровождавшаго его въ этой экскурсіи, кажется, нынѣ здравствующаго еще рабочаго Г., питавшаго чрезмѣрное пристрастіе къ чтенію по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Замѣчательно, что Плехановъ, самъ съ дѣтскихъ лѣтъ больше всего стремившійся къ знаніямъ, по поводу этого пристрастія Г. сообщаетъ слѣдующее:

¹⁾ См. „Русскій рабочій въ революц. движеніи“, стр. 3—4. Настоятельно рекомендую эту брошюру, многое дающую о томъ времени.

«Меня и обрадовала и вмѣстѣ какъ-бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала—это понятно безъ поясненій; опечалила же потому, что я былъ сильно проникнутъ тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастіе къ книгамъ считалось недостаткомъ, признакомъ холоднаго, нереволюціоннаго темперамента».

Черезъ этихъ рабочихъ Георгій Валентиновичъ приобрѣлъ много знакомствъ, а, увидѣвъ, какъ его «заинтересовало «рабочее дѣло»,—сообщаетъ онъ,—«бунтари приняли меня въ свой кружокъ, такъ что «занятія съ рабочими» стали съ тѣхъ поръ моей революціонной обязанностью».

Какъ видимъ изъ этого изложенія словами самого Плеханова, въ точности котораго, въ виду феноменальной его памяти, рѣшительно нѣтъ основанія сомнѣваться, не представлялось ни малѣйшей надобности кому-либо,—въ томъ числѣ и П. Б. Аксельроду,—открывать Георгія Валентиновича. Возможно, что пораженный способностями и начитанностью молодого Плеханова Аксельродъ подѣлился своимъ впечатлѣніемъ съ Натансономъ, но навѣрно то же дѣлали до и послѣ него и другіе, ночевавшіе и не ночевавшіе у Георгія Валентиновича социалисты. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что сближеніе Плеханова съ Натансономъ и другими бунтарями произошло не черезъ Аксельрода, а черезъ рабочихъ и знакомыхъ студентовъ.

Занятія съ рабочими,—«рабочее дѣло», которымъ заинтересовался въ описываемое мною время Георгій Валентиновичъ, онъ, какъ и всѣ мы тогда, считалъ лишь побочнымъ, второстепеннымъ дѣломъ. Какъ мы относились къ этому занятію, лучше всего показываетъ слѣдующее сообщеніе Плеханова:

«Вспоминаю теперь лекціи, читанныя въ рабочихъ кружкахъ «бунтарями».—рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—я думаю, что существенную пользу рабочіе могли выносить только изъ лекцій политической экономіи покойнаго И. Θ. Фесенко. Тотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій человекъ, очень недурно зналъ выбранный имъ предметъ и умѣлъ излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекціи продолжались всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Петербурга политическая экономія была у насъ совсѣмъ заброшена; на первый планъ выступили «рассказы изъ русской исторіи», сводившіеся, главнымъ образомъ, къ рассказамъ о бунтахъ Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти къ исторіи крестьянства... Для уразумѣнія рабочаго вопроса эти «рассказы ничего не давали» (стр. 19-ая).

При мнѣ Плехановъ неоднократно условливался съ Фесенко, когда ему слѣдуетъ отправляться для занятій съ рабочими. Поэтому, если по его же признанію, съ отъѣздомъ Фесенко «политическая экономія была совсѣмъ заброшена», то ясно, что въ то время онъ также, подобно всѣмъ другимъ, не придавалъ особеннаго значенія рабочему классу. Мы ниже увидимъ, чѣмъ вызвано было такое отношеніе.

III.

Къ революціонному движенію Плехановъ примкнулъ, когда, въ сущности, уже миновалъ наиболѣе энтузіастической его періодъ, закончившійся, какъ извѣстно, знаменитыми разгромами, происшедшими въ 1874—75 г.г. Послѣ этого наступилъ переходный моментъ въ исторіи революціоннаго движенія нашей передовой молодежи.

Извѣстно, какое страшное фіаско потерпѣло такъ называемое «хожденіе въ народъ», предпринятое революціонерами въ 1873—74 г.г.: крестьяне не только не послѣдовали немедленно за молодыми энтузіастами, но, наоборотъ, нерѣдко, скрутивъ назадъ руки пламеннымъ проповѣдникамъ всеобщаго на землѣ счастья, доставляли ихъ по начальству. Нѣкоторые явились счастливыми исключеніями.

Какъ-бы то ни было, тысячи беззавѣтно преданныхъ народу молодыхъ людей брошены были въ разныхъ концахъ Россіи, въ тюрьмы, гдѣ, при невыносимо тяжелыхъ условіяхъ, они годами томилась въ ожиданіи суда. Какъ извѣстно, многіе, совершенно ни въ чемъ неповинные, даже съ точки зрѣнія тогдашнихъ драконовскихъ законовъ, умерли въ мѣстахъ предварительнаго ихъ заключенія до установленія какой-либо ихъ вины; нѣкоторые сами покончили съ собою, другіе лишились разсудка или приобрѣли неизлѣчимыя болѣзни.

Ихъ самопожертваніе оказалось, такимъ образомъ, почти совершенно безплоднымъ. Было, поэтому, надъ чѣмъ призадуматься немногимъ уцѣлѣвшимъ ихъ товарищамъ, а также и новымъ примкнувшимъ къ движенію ихъ послѣдователямъ.

Нѣкоторые, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ фактовъ, были близки къ отчаянію, разочарованію въ народѣ и социализмѣ. Но такихъ лицъ было немного. Большинство, наоборотъ, въ постигшей первыхъ пилигримовъ «въ народъ» неудачѣ, винило самихъ себя, считая главной причиной ея собственную неопытность, неумѣнье подойти къ крестьянамъ и т. п.

Вотъ къ этому-то времени, т. е. къ концу 1875 и началу слѣдующаго года и относится первое знакомство Георгія Валентиновича съ нѣкоторыми изъ уцѣлѣвшихъ отъ предшествовавшаго періода революціонерами; слѣдовательно, всего за два—три мѣсяца до моего съ нимъ знакомства.

Мы уже знаемъ изъ его собственнаго признанія, съ какимъ благоговѣніемъ онъ тогда смотрѣлъ на cadaго «уже пострадавшаго за народъ».

— Извѣстные тогда революціонеры, — сообщилъ онъ мнѣ какъ-то въ послѣдствіи въ эмиграціи, — Кравчинскій, Клеменць, Рогачевъ, Коваликъ представлялись мнѣ людьми недосягаемаго величія, необыкновенными: я готовъ былъ преклоняться предъ ними.

Въ предшествовавшія нашему съ нимъ знакомству осень и зиму въ революціонныхъ кружкахъ въ Петербургѣ, а за нимъ и

во многихъ другихъ городахъ, горячо обсуждался вопросъ, что слѣдуетъ предпринять, чтобы избѣжать въ будущемъ подобнаго же провала, столь тяжелыхъ жертвъ.

Лица «компетентныя», т. е. уже ходившія «въ народъ», хотябы на самое короткое время, охотно дѣлились при такихъ обсужденияхъ своими впечатлѣніями съ другими, неопытными новичками, признавались въ своихъ промахахъ и ошибкахъ и подвергали рѣзкой критикѣ практиковавшіеся тогдашними революціонерами приемы пропаганды.

Плехановъ, усердно посѣщавшій эти сходки, самъ активнаго участія въ нихъ не принималъ, такъ какъ считалъ себя еще «необстрѣляннымъ», не заправскимъ революціонеромъ, потому что «еще не ходилъ въ народъ». Но, какъ мы знаемъ изъ его воспоминаній, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ рѣчамъ бывалыхъ революціонеровъ, и все узнанное тогда глубоко западало въ его душу, запечатлѣвалось въ его памяти; поэтому въ соотвѣтствовавшее время онъ сумѣлъ въ практическіи сдѣлать необходимые, правильные теоретическіе и практическіе выводы изъ узнанныхъ на этихъ сходкахъ сообщеній.

Извѣстно, что результатомъ упомянутой мною выше самокритики тогдашнихъ революціонеровъ было признаніе большинствомъ изъ нихъ не только бесполезной, но и прямо вредной практиковавшаяся тогда лицами, ходившими «въ народъ», такъ называемая «летучая», мимолетная пропаганда социализма. За исключеніемъ сильно порѣдѣвшихъ къ тому времени рядовъ послѣдователей П. Л. Лаврова, всѣ остальные активные революціонеры признавали необходимымъ, не оставляя главной арены дѣятельности—крестьянской среды, замѣнить «летучую» пропаганду прочными поселеніями въ селахъ и деревняхъ.

Въ виду послѣдовавшаго за тѣмъ особаго хода развитія нашего революціоннаго движенія, необходимо подчеркнуть здѣсь, что во время указанныхъ дебатовъ по поводу результатовъ хожденія «въ народъ», проповѣдь социализма признана была большинствомъ невозможной, недоступной пониманію крестьянъ, а потому совершенно ненужной. Но за то изъ встрѣчъ, столкновеній съ «народомъ» революціонеры убѣдились, что правы были Герценъ, Чернышевскій, Бакунинъ, утверждавшіе, что у русскихъ крестьянъ уже имѣется свой собственный, готовый «идеалъ», мало чѣмъ уступающій западно-европейскому пролетарскому социализму. «Идеалъ» этотъ, какъ извѣстно, состоитъ во взглядѣ нашего народа на землю, какъ на достояніе всѣхъ безъ различія трудящихся, затѣмъ—въ его привычкѣ къ общинному пользованію дарами природы, въ его склонности къ артельному труду, мірскому самоуправленію и пр.

Въ виду этихъ счастливыхъ свойствъ, которыми предшествующая исторія надѣлила русскій народъ, роль поселившихся среди крестьянъ революціонеровъ должна была, какъ училъ Ба-

кунинъ, заключаться въ агитаціи на почвѣ существующаго у народа недовольства современными порядками. Пользуясь всякимъ представлявшимся поводомъ, революціонеры должны были стремиться къ тому, что-бы вызвать у крестьянъ готовность бороться за осуществленіе ихъ желаній и стремленій, а во время возникающихъ на почвѣ недовольства народныхъ возстаній—становиться во главѣ ихъ, помогать ихъ расширенію, углубленію и т. д. Лозунгомъ этого направленія былъ—переходъ всѣхъ земель, лѣсовъ и пр. въ общинное пользованіе народа, конечно, безъ всякихъ выкуповъ, податей и налоговъ.

Извѣстно, что тогда-то положено было начало «народничеству», сыгравшему столь крупную роль въ исторіи нашей страны и въ значительной степени не потерявшему своего значенія и въ настоящее время.

Въ теоретическомъ обоснованіи этого важнаго направленія, какъ извѣстно, большое участіе принялъ также Плехановъ. Правда, онъ не внесъ въ него ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго, такъ какъ задолго до него всѣ положенія этого «ученія» были уже развиты М. А. Бакуинымъ, Н. Г. Чернышевскимъ и др. Плеханову принадлежитъ систематизація всѣхъ доводовъ и подкрѣпленіе ихъ ссылками на авторитеты. Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ, такъ какъ эту роль въ дѣлѣ «обоснованія народничества» Плехановъ сыгралъ года полтора—два послѣ нашей первой съ нимъ встрѣчи, которой посвященъ настоящій очеркъ.

Свое отрицательное отношеніе къ пропагандѣ социализма народу и, наоборотъ, признаніе пользы только за агитаціей среди крестьянъ на почвѣ существующаго у нихъ идеала, бунтари стремились привить также и рабочимъ. Но, какъ правильно замѣтилъ Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «на доводы бунтарей рабочіе поддавались довольно туго. Они вообще съ большимъ трудомъ разбирались въ тонкостяхъ разногласій между тогдашними революціонными фракціями, — «бакунистами» и «лавристами», и, даже склоняясь къ намъ, они, тѣмъ не менѣе, крайне возмущались, слыша отъ насъ, что пропаганда не имѣетъ никакого революціоннаго значенія».

— Какъ не стыдно вамъ говорить это, — восклицали знакомые Плеханову рабочіе, —каждаго изъ васъ, интеллигентовъ, въ пяти школахъ учили, въ семи водахъ мыли, а вѣдь иной рабочий не знаетъ, какъ отворяется дверь школы.

Пропагандѣ социализма рабочимъ, который, какъ мы это наглядно видѣли, былъ вполне имъ доступенъ, мы не придавали большого значенія въ виду общаго нашего тогда къ нимъ отношенія: считая, что рабочіе не могутъ въ Россіи играть никакой самостоятельной роли; мы и ихъ звали «идти въ народъ», что-бы путемъ бунтовъ осуществить «народный идеалъ». Поэтому совершенно правильно замѣчаетъ Плехановъ въ уже не разъ цитированныхъ мною воспоминаніяхъ: «мы проповѣдывали имъ не со-

ціалізмъ и даже не либерализмъ, а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочий могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарскимъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія» (стр. 18).

Извѣстно, что уже и въ описываемую мною эпоху, въ семидесятыхъ годахъ, лучшіе представители нашихъ рабочихъ значительно раньше, чѣмъ мы, интеллигенты, поняли, по какому ложному пути мы сами идемъ и ихъ за собою тянемъ. Какъ и теперь это повторяется только въ большемъ масштабѣ, рабочіе въ семидесятыхъ годахъ тоже только на первыхъ порахъ поддавались на наши доводы и убѣжденія, почему и совершали, напри- мѣръ, такую, казалось-бы, очевидную ошибку — оставляя безъ вниманія своихъ нераспропагандированныхъ товарищей, они отпра- влялись агитировать среди крестьянъ! По этому поводу Георгій Валентиновичъ сообщалъ преннтересные эпизоды. Вотъ одинъ изъ нихъ.

«Когда сложившееся въ 1876 г. общество «Земля и Воля» стало заводить свои революціонныя поселенія «въ народѣ»,—раз- сказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—намъ удалось склонить нѣкоторыхъ петербургскихъ рабочихъ къ переѣзду въ Саратовскую губернію. Это были испытанные люди, добрая воля которыхъ не могла подлежать сомнѣнію. Но попытки ихъ устроиться въ деревнѣ не привели ни къ чему. Побродивъ по деревнямъ, съ цѣлью высмотрѣть подходящее мѣсто для своего поселенія,— при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты крестьянами за нѣмцевъ,—они махнули рукой на это дѣло и кончили тѣмъ, что вернулись въ Саратовъ, гдѣ завели сношенія съ мѣстными ра- бочими. Какъ ни удивляла насъ отчужденность отъ «народа» его городскихъ дѣтей, но фактъ былъ на-лицо, и мы должны были оставить мысль о привлеченіи рабочихъ къ собственно крестьян- скому дѣлу» (13 стр.).

Совершенно аналогичны были результаты подобныхъ же по- пытокъ, сдѣланныхъ нами на югѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но, какъ извѣстно, эти факты въ то время намъ, бунтарямъ, рѣши- тельно ничего не уясняли.

Обратимся теперь къ тому кружку, къ которому, какъ мы уже знаемъ, Плехановъ сталъ въ близкія отношенія незадолго до нашего съ нимъ знакомства.

IV.

Лица, жившія, а также посѣщавшія «общую квартиру», не составляли тѣснаго кружка, какимъ, напри- мѣръ, были раньше

того «чайковцы» или «южные бунтари», о которых сообщил въ своихъ воспоминаніяхъ Дебогорій-Мокріевичъ и въ число членовъ которыхъ я также входилъ тогда.

Въ этой квартирѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, находившихся, вообще, въ университетскихъ городахъ въ то время, жили или по цѣлымъ днямъ и ночамъ околачивались лица, стоявшія, такъ сказать, на разныхъ ступеняхъ революціонной лѣстницы. Къ ней примыкали студенты, еще не порвавшіе съ высшими учебными заведеніями, такъ называемые «сочувствующіе», лица, готовившіяся стать заправскими бунтарями, но пока непорвавшія еще съ «буржуазной средой», каковыми были и, насколько мнѣ извѣстно, остались впоследствии братья Воскресенскіе. Недѣлями, а то и мѣсяцами жили, какъ на бивуакѣ, на этой квартирѣ молодые люди, не только разставшіеся со всѣмъ своимъ прошлымъ и съ часу-на-часъ собиравшіеся «идти въ народъ», но и уже ходившіе туда, какъ упомянутые мною «Титычъ», а также впоследствии пріобрѣвшій большую извѣстность, благодаря выстрѣлу В. И. Засуличъ, Боголюбовъ (Емельяновъ). Къ частымъ посѣтителямъ «общей квартиры» принадлежали также лица, пострадавшія за это хожденіе и посидѣвшія въ тюрьмахъ, какъ Фененко, Митрофановъ и другіе.

Изъ этихъ различныхъ категорій лицъ тогда только зарождалась, складывалась та революціонная организація, которой, вскорѣ за описываемымъ мною временемъ, суждено было сыграть колоссальную роль въ исторіи нашей страны: я имѣю въ виду общество «троглодитовъ» или «Земля и Воля». Поэтому, полагаю, здѣсь уместно подѣлиться моими впечатлѣніями о наиболѣе тогда выдѣлявшихся лицахъ, вращавшихся на общей квартирѣ, что дастъ намъ возможность уяснить себѣ роль, которую въ то время игралъ Плехановъ.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей наибольшее вниманіе сосредоточивалъ на себѣ, какъ среди находившихся въ Россіи революціонеровъ, такъ и нашихъ эмигрантовъ, незадолго предъ тѣмъ вернувшійся изъ административной ссылки Маркъ Андреевичъ Натансонъ, и по нынѣ здравствующій лѣвый социалистъ-революціонеръ.

Какъ извѣстно, онъ пользовался большой популярностью еще при самомъ возникновеніи кружка «чайковцевъ», въ началѣ семидесятыхъ годовъ, какъ выдающійся организаторъ и чрезвычайно дѣятельный, предприимчивый человекъ, за что онъ и заплатился пятилѣтней ссылкой въ одну изъ сѣверныхъ губерній европейской Россіи.

Очутившись по окончаніи ея (осенью 1875 г.) вновь на волѣ, — какъ разъ послѣ упомянутаго выше разгрома, вызваннаго хожденіемъ въ народъ, — Натансонъ задался цѣлью сорганизовать, объединить немногіе, уцѣлѣвшіе въ разныхъ концахъ Россіи, а также и скрывавшіеся за границей, остатки революціонныхъ кружковъ, почему въ нашей средѣ, на югѣ, за нимъ упрочилась тогда кличка «собирателя русской земли».

Если не ошибаюсь, однимъ изъ первыхъ ему удалось привлечь въ послѣдствіи пріобрѣтшаго большую извѣстность и невинно казненнаго Дмитрія Андреевича Лизогуба, что, въ виду значительныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми тотъ располагалъ, являлось чрезвычайно благоприятнымъ обстоятельствомъ, сулившимъ успѣхъ поставленной себѣ Натансономъ цѣли.

Вскорѣ затѣмъ—зимой 1875—76 г.—онъ обнаружилъ огромную дѣловитость и трудоспособность. Располагая значительными средствами Лизогуба и обладая обширной памятью, выносливостью и настойчивостью, Натансонъ носился изъ конца въ конецъ по Россіи и по западно-европейскимъ странамъ, въ которыхъ сосредоточивались наши эмигранты. Всюду онъ разыскивалъ, какъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, такъ и вновь народившихся революціонеровъ. Всѣмъ этимъ лицамъ онъ сообщалъ, — въ отвѣтъ на ихъ вопросы, — гдѣ что происходитъ въ революціонномъ мірѣ, какъ поживаетъ тотъ или иной, поражая многихъ своей обо всемъ освѣдомленностью. Всюду, куда ни являлся Натансонъ, онъ вносилъ оживленіе, бодрость, призывалъ уставшихъ или разочаровавшихся къ дѣятельности, вновь склонялъ ихъ къ революціонной борьбѣ, возбуждая упавшій духъ ихъ и внося инициативу.

Каждому Натансонъ умѣлъ найти соотвѣтствовавшее его склонностямъ и способностямъ занятіе, мѣсто. При этомъ онъ дѣйствовалъ умѣло, мягко, не задѣвая ничьего самолюбія. Словомъ, Натансонъ проявилъ тогда большія организаторскія способности, и ему, несомнѣнно, многимъ обязано революціонное движеніе: благодаря его стараніямъ, а также и имъ привлеченнымъ лицамъ, небольшой кружокъ революціонеровъ пріобрѣлъ огромное значеніе и сыгралъ громадную роль въ Россіи.

Но весной 1876 г., когда я впервые очутился въ Петербургѣ, число членовъ натансоновскаго кружка было еще крайне незначительно, — едва-ли она достигало десятка. Къ тому же въ его составъ еще не входилъ тогда рѣшительно ни одинъ изъ выдвинувшихся, прославившихся потомъ «землевольтцевъ», «народовольцевъ», «чернопредѣльцевъ» или членовъ группы «освобожденіе труда», такъ какъ извѣстно, что всѣ эти фракціи ведутъ свою родословную отъ навербованныхъ Натансономъ пионеровъ народничества.

Здѣсь мнѣ необходимо сдѣлать оговорку.

О. А. Аптекманъ въ своей интересной книжкѣ объ обществѣ «Земля и Воля» отвелъ очень почетное мѣсто упомянутому мною выше «Титычу», изобразивъ его необыкновенно выдававшимся надъ всѣми другими революціонерами дѣятелемъ. Но по поводу рѣшительно всѣхъ характеристикъ, данныхъ этимъ уважаемымъ авторомъ его современникамъ, какъ въ этой книжкѣ, такъ и въ другихъ его воспоминаніяхъ, слѣдуетъ замѣтить, что они нѣсколько утрированы, — страдаютъ излишнимъ обиліемъ яркихъ, кричащихъ красокъ. Это относится также и къ «Титычу», дѣй-

ствительная фамилія котораго, какъ извѣстно, Ю. М. Тищенко, давно отставшій отъ революціоннаго движенія и сдѣлавшійся заправскимъ, хотя и крупнымъ нефтепромышленникомъ.

Но въ описываемое мною время «Титычъ», дѣйствительно, былъ чрезвычайно трудолюбивъ, настойчивъ и любознателенъ. Наряду съ умственными занятіями, онъ отдавалъ много вниманія и физическимъ упражненіямъ. Онъ обладалъ, поэтому, огромной силой и привычкою къ тяжелому труду. Ко всему этому нужно прибавить, что Титычъ являлся типичнымъ представителемъ нигилизма. Онъ нисколько не слѣдилъ за своей внѣшностью и удобствами обстановки, довольствуясь самой невзыскательной пищей, ночлегомъ и пр. Подобно Рахметову, «Титычъ» также старался приучить себя ко всякимъ лишеніямъ, аскетизму. Будучи почти ровесникомъ Плеханова, онъ также обладалъ для своихъ лѣтъ большою начитанностью. Но, между тѣмъ, какъ Плехановъ, вскорѣ послѣ знакомства съ нимъ, обращалъ на себя вниманіе присущими ему остроуміемъ, находчивостью и блескомъ, — «Титычъ», наоборотъ, производилъ впечатлѣніе, хотя и начитаннаго, но неоригинальнаго, умственно неповоротливаго юноши. При этомъ и по внѣшнему виду онъ былъ нескладный, а благодаря глухому голосу и большой фигурѣ, онъ выглядѣлъ значительно старше своихъ лѣтъ.

Изъ лицъ, въ ту весну и лѣто примыкавшихъ къ натансоновцамъ, хотя и не входившихъ въ ихъ число, безспорно наиболѣе крупной фигурой являлся Ив. Фед. Фесенко, о которомъ, какъ и о его другѣ Д. А. Лизогубѣ, я подробно рассказалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Ограничусь, поэтому, здѣсь немногими словами.

Фесенко былъ значительно старше всѣхъ натансоновцевъ и лицъ, примыкавшихъ къ нимъ: ему было уже тридцать лѣтъ, остальные же — въ возрастѣ около двадцати. Къ тому же своей солидной внѣшностью, приемами и манерами онъ производилъ впечатлѣніе серьезнаго, многоопытнаго человѣка. Дѣйствительно, Фесенко побывалъ за границей среди нашихъ эмигрантовъ, ходилъ въ народъ и сидѣлъ въ тюрьмахъ. Наряду съ проф. Н. Зиберомъ, онъ являлся также чуть-ли не первымъ тогда страстнымъ послѣдователемъ и проповѣдникомъ взглядовъ К. Маркса, какъ среди революціонной молодежи, такъ и рабочихъ, гдѣ онъ пользовался большою популярностью.

Несомнѣнно, что, главнымъ образомъ, Фесенко, восторженно отзывавшійся мнѣ и другимъ о дарованіяхъ Плеханова, возбудилъ у него интересъ къ политической экономіи, вообще, и къ «Капиталу» Маркса, — въ частности; онъ же привлекъ Георгія Валентиновича къ занятіямъ съ рабочими. Поэтому, если почему-либо необходимо разыскивать лицо, которое, будто-бы, открыло Плеханова, то скорѣе всего таковымъ слѣдовало-бы признать Ив. Фед.

¹⁾ См. мои статьи: „Какъ мы въ народъ ходили“, „Вѣст. Евр.“, 1910 г., X и „Одинъ изъ первыхъ марксистовъ“, тамъ-же, кн. XI за 1911 г.

Фесенко, а вовсе не П. Б. Аксельрода, которому, какъ мы видѣли, рѣшительно ничѣмъ не былъ обязанъ Георгій Валентиновичъ.

Не буду пока останавливаться на другихъ натансоновцахъ. Скажу лишь, что задуманной «сбирателемъ русской земли» организаціи тогда еще не существовало. Это былъ пока только эмбрионъ, состоявшій изъ лицъ разрозненныхъ, раскинутыхъ въ разныхъ концахъ Россіи и связанныхъ другъ съ другомъ только черезъ Натансона. Правда, всѣ они стремились къ одной цѣли, но они еще не обладали ни точно выработаннымъ планомъ, ни уставомъ и программой, появившимися позже, при содѣйствіи, какъ уже мною упомянуто, Г. В. Плеханова.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ то время революціонеры вообще придавали мало значенія всякимъ программамъ и уставамъ. Вѣрнѣе даже будетъ сказать, что бакунисты, составлявшіе большинство, по разнымъ соображеніямъ относились даже крайне отрицательно къ занесеніямъ на бумагу символовъ своей вѣры, считая это не только излишнимъ, но и чрезвычайно рискованнымъ въ конспиративномъ отношеніи. Все рѣшительно, — какъ теоретическіе взгляды и положенія, такъ и тактическіе приемы, планы и соглашенія, — вырабатывалось путемъ устнаго обмѣна мнѣніями и затѣмъ устно же передавалось однимъ другому.

По этимъ же причинамъ нерѣдко невозможно было опредѣленно сказать, входило-ли данное лицо въ тотъ или другой кружокъ, числилось-ли оно его членомъ, да это едва ли многихъ интересовало. Въ большинствѣ случаевъ дѣло происходило такъ: если хорошій знакомый, считавшійся даннымъ кругомъ лицъ надежнымъ, преданнымъ народнымъ интересамъ и нелишненнымъ способностей человекомъ, то съ нимъ, естественно, сближались, ему сообщали въ общихъ чертахъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, давали тѣ или иныя порученія и т. д.

Какъ мы уже знаемъ, главной задачей всѣхъ революціонеровъ того времени являлись сборы «въ народъ» съ цѣлью устройства поселеній для веденія агитаціи среди крестьянъ. Но эта задача обсуждалась на тайныхъ собраніяхъ, происходившихъ очень конспиративно; поэтому для большинства революціонно настроенной учащейся молодежи они были мало доступны. Все же, о замѣтнѣйшей летучей пропаганды устройствомъ поселеній, а также и о необходимости заниматься агитаціей на почвѣ народнаго идеала—знали почти всѣ лица, сколько-нибудь соприкасавшіяся съ бунтарями, въ особенности всѣ тѣ, которые рано или поздно, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, намѣревались пойти въ народъ. По конспиративнымъ же правиламъ требовалось, чтобы излишнія лица, сами непосредственно незаинтересованные въ томъ или другомъ случаѣ, не знали ни о времени отправки другихъ въ поселенческіе пункты, ни о мѣстностяхъ, избранныхъ для этого.

Насколько въ описываемое мною время Георгій Валентиновичъ былъ посвященъ во всѣ предпріятія и планы нарождавша-

гося тогда кружка Натансона, въ точности сказать не могу: съ нимъ какъ-то не пришлось мнѣ объ этомъ говорить. Полагаю, однако, что, несмотря на внушаемое имъ къ себѣ всеѣмъ полное довѣріе, ему все-же не были тогда извѣстны нѣкоторые планы и дѣла, такъ какъ, кромѣ общихъ конспиративныхъ соображеній, о которыхъ я выше упомянулъ, Плехановъ въ то время еще не являлся заправскимъ революціонеромъ-бакунистомъ, — онъ еще не сжегъ за собою кораблей, продолжалъ пребывать въ институтѣ, усердно готовясь къ экзаменамъ, что тогда среди насъ не считалось большой добродѣтелью. Конечно, если-бы онъ, подобно другимъ, безъ всякаго дѣла, а лишь затѣмъ, чтобы узнать новости и, вообще, побесѣдовать, часто появлялся на общей квартирѣ, то, въ виду распространенной съ давнихъ временъ въ нашей средѣ склонности вести безконечные разговоры о томъ, что подѣлываетъ или собирается дѣлать такой-то, да что произошло тамъ-то и т. п., — Плехановъ также могъ-бы узнавать о разныхъ планахъ, намѣреніяхъ и пр. Но въ противоположность огромному большинству своихъ современниковъ, Плехановъ никогда не пыталъ ни малѣйшей любви и интереса къ такимъ бесѣдамъ; къ тому-же, — также въ отличіе отъ другихъ, — онъ всегда чрезвычайно экономилъ свое время, посвящая его занятіямъ. Поэтому, — по крайней мѣрѣ при мнѣ, — онъ никогда не заходилъ на общую квартиру безъ опредѣленной надобности, безъ дѣла. Когда-же случалось, что его что-либо тамъ задерживало и въ это время велись разговоры, подобные вышеуказаннымъ, онъ никогда не принималъ въ нихъ участія, а, занявъ мѣсто гдѣ-нибудь въ сторонѣ, быстро перелистывалъ какую-нибудь тутъ-же найденную имъ книгу.

Въ подобныхъ случаяхъ Плехановъ могъ на мало знавшихъ его людей произвести впечатлѣніе застѣнчиваго, конфузившагося юноши, что, какъ извѣстно, вовсе не вязалось съ его смѣлымъ, боевымъ характеромъ. Однако, изъ его воспоминаній, а также изъ личнаго его мнѣ признанія, о чемъ я выше уже сообщалъ, видно, что въ первые годы его присоединенія къ революціонерамъ онъ съ большимъ благоговѣніемъ, пietetомъ относился къ уже пострадавшимъ за народъ дѣятелямъ.

Изъ бесѣдъ, происходившихъ на общей квартирѣ, Плеханова привлекали теоретическія разсужденія и о прочитанныхъ книгахъ. Въ виду циркулирующихъ по поводу послѣднихъ невѣрныхъ сообщеній, полагаю, что нелишнимъ будетъ коснуться здѣсь и вопроса о томъ, что именно въ ту пору читала революціонная молодежь.

V.

Со словъ Г. В. Плеханова мы уже знаемъ, что господствовавшей тогда фракціей «излишнее пристрастіе къ книгамъ считалось признакомъ холоднаго, неревoluціоннаго темперамента». Это

отношеніе тогдашнихъ бакунистовъ къ чтенію обусловливалось отчасти реакціей противъ дѣйствительно чрезмѣрнаго увлеченія знаніями, которое распространено было среди другой, уже вымиравшей фракціи лавристовъ. Но главной причиной отрицательнаго отношенія бакунистовъ къ книгамъ являлся ихъ взглядъ на задачи интеллигентныхъ революціонеровъ среди народа.

По утвержденію Бакунина, «ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего въ немъ уже не существуетъ не только въ зародышѣ, но даже въ нѣкоторой степени развитія»¹⁾. Поэтому, онъ, а за нимъ и его послѣдователи, находили, что у каждаго интеллигентнаго революціонера, по сравненію съ народомъ, не только достаточно знаній, но ихъ у него больше, чѣмъ нужно для его задачи.

Въ своей послѣдовательности нѣкоторые бунтари доходили до того, что выражали даже сожалѣніе, зачѣмъ они обучались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ полученное ими образованіе неизбежно удаляетъ ихъ отъ народной среды. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно на югѣ, рѣшительно не заглядывали ни во что печатное.

Однако, такихъ послѣдовательныхъ учениковъ Бакунина было немного. Большинство все же читало, хотя, главнымъ образомъ, подпольныя изданія, а изъ легальныхъ только сочиненія по исторіи французской революціи и о нашихъ крестьянскихъ бунтахъ. Но въ наши толстые журналы крайне рѣдко кто заглядывалъ тогда: это считалось почти-что предосудительнымъ чтеніемъ, — чуть не доказательствомъ «холоднаго, неревoluціоннаго темперамента». Это значило поощрять легальныхъ публицистовъ, слѣдовательно, приносить вредъ революціонному движенію, потому что «всѣ, отзывчивые и талантливые писатели не должны своими писаніями въ Россіи поддѣрживать современный ея строй». По мнѣнію бунтарей, «они обязаны были эмигрировать за границу, гдѣ только и возможна честная писательская дѣятельность, ничѣмъ нестѣсняемая революціонная литература».

Этихъ взглядовъ, въ общемъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, — приблизительно отъ начала до конца 70-хъ гг., — придерживались не только крайніе бунтари, но даже нѣкоторые изъ умѣренныхъ лавристовъ. Поэтому въ указанные мною годы нерѣдко можно было встрѣтить революціонеровъ, которые, напримѣръ, совершенно не были знакомы съ писаніями Н. К. Михайловскаго. Для нашего поколѣнія онъ не только не являлся «властителемъ нашихъ думъ», какъ это теперь совершенно ошибочно утверждаютъ лица, мало знакомыя съ движеніемъ 70-хъ гг., но многіе изъ насъ относились къ нему даже крайне враждебно, о чемъ уже сообщалъ на страницахъ «Былого» С. Синегубъ. Объ отношеніи нашего поколѣнія къ Михайловскому и о его роли въ 70-хъ годахъ я расскажу подробно въ другомъ мѣстѣ.

¹⁾ См.: „Государственность и анархія“, примѣчаніе А.

На ряду съ исторіей, сѣверные бакунисты читали и такъ называемыя «тенденціозныя сочиненія», очень сильно распространенныя среди нашей передовой молодежи еще со второй половины 60-хъ годовъ.

Въ ихъ число, какъ извѣстно, входили произведенія нашихъ выдающихся публицистовъ и критиковъ, — Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, а также «Историческія письма» Миртова (Лаврова), «Положеніе рабочаго класса» и «Азбука социальныхъ наукъ» Флеровскаго (Берви), сочин. Лассала, Бокля, Дрепера, Милля, Луи-Блана, Шерра и мн. др.

Въ началѣ 70-хъ гг. сталъ распространяться «Капиталъ» Маркса, но читали его очень немногіе, особенно среди народниковъ - бунтарей: кромѣ Фесенко, Титыча, Каблица и Плеханова, я не могу припомнить никого больше.

Перечисленныя мною выше сочиненія далеко не исчерпывали списокъ произведеній, которыя въ то время поглощаль Георгій Валентиновичъ. Онъ являлся однимъ изъ немногихъ, которые, не смотря на свои симпатіи къ бакунизму, нарушали его догматы о вредѣ «излишняго пристрастія къ книгамъ» и, какъ я уже сообщилъ, читаль запоемъ все, что было ему доступно, пользуясь для этого рѣшительно всякой свободной минутой, урывая время, гдѣ только было возможно. Плехановъ заглядывалъ также въ наши журналы, но и онъ не являлся приверженцемъ легальныхъ писателей. Не разъ приходилось мнѣ отъ него слышать, что ни тогда, ни послѣ описываемаго мною времени, Н. К. Михайловскій не имѣлъ рѣшительно никакого вліянія на его развитіе, какъ и на его товарищей.

Тогда же онъ вплотную застѣлъ за изученіе «Капитала», что, по его словамъ, взяло у него нѣсколько недѣль, и, хотя далеко не всѣ взгляды Маркса онъ усвоилъ, все же съ тѣхъ уже поръ и, какъ извѣстно, на всю жизнь онъ сталъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ его учениковъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Правда, Плехановъ, какъ и всѣ его сверстники, отдавая дань времени, раздѣлялъ долгое время также анархическія измышленія Бакунина, но, по складу своего ума, онъ не мирился ни съ какими противорѣчіями и непослѣдовательностью. Болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ его современниковъ, онъ стремился къ выдержанности, стройности взглядовъ, не допуская въ нихъ смѣси, эклектизма, къ чему, какъ извѣстно, тяготѣли многіе, если не сказать — всѣ его сверстники. Хотя въ то время его социалистическіе взгляды начали только складываться, но уже и тогда онъ въ теоретическомъ отношеніи значительно опередилъ болѣе его пожилыхъ, опытныхъ и бывалыхъ революціонеровъ.

Умственные свои дарованія Плехановъ съ юныхъ лѣтъ проявлялъ въ каждомъ разговорѣ, въ любомъ своемъ сужденіи. Выше я сообщилъ, что онъ не любилъ мало содержательныхъ разговоровъ. Но за то въ сколько-нибудь серьезномъ вопросѣ, касавшемся книгъ или практическаго революціоннаго дѣла, онъ

охотно принималъ живое, горячее участіе. Когда же по такому поводу завязывался споръ, то, какъ извѣстно, Георгій Валентиновичъ всегда стремился выйти изъ него побѣдителемъ. И это ему удавалось, кто-бы ни являлся его оппонентомъ, такъ какъ, кромѣ теоретической подготовки, онъ обладалъ изумительной находчивостью и способностью вести споры. Какъ извѣстно, съ годами эти дарованія его не только не ослабѣвали, но, наоборотъ, все возрастали и крѣпли. За время многолѣтней нашей съ нимъ близости мнѣ приходилось присутствовать при всевозможныхъ диспутахъ его въ разныхъ странахъ, на нашихъ партійныхъ съѣздахъ и интернаціональныхъ конгрессахъ, съ лицами различныхъ національностей, но я рѣшительно не могу припомнить ни единого случая, что-бы, въ концѣ концовъ, не Плехановъ, а его противникъ вышелъ не только побѣдителемъ, но и разбитымъ на голову, не посрамленнымъ. Въ этихъ случаяхъ возраженія его бывали часто до того мѣткі, остроумны и неожиданны, что не только неучаствовавшіе въ спорѣ, но и сами оппоненты его, — нерѣдко, несмотря на досаду и злость на него, — не могли удержаться отъ улыбокъ, слыша кругомъ себя громкій смѣхъ. Приведу одинъ случай, для чего мнѣ придется забѣгать далеко впередъ.

Это было на нашемъ партійномъ съѣздѣ, происходившемъ, лѣтомъ 1907 г., въ пресвитеріанской, или какой-то другой секты, киркѣ въ Лондонѣ. Кромѣ трехсотъ пятидесяти делегатовъ, сидѣвшихъ внизу, многочисленная публика - гости занимали мѣста на галлереяхъ.

На возвышенную эстраду всходитъ Плехановъ. Въ обширнѣйшей киркѣ воцаряется гробовое молчаніе.

— При всемъ уваженіи, которое я питаю къ предыдущему оратору, тов. Либеру, — началъ онъ, — я, къ сожалѣнію, никакъ не могу согласиться съ его характеристикой рѣчи Розы Люксембургъ. Онъ сказалъ, что она сидитъ между двухъ стульевъ. Это совершенно невѣрно: она вовсе не занимаетъ этой неудобной позиціи, а, подобно Сикстинской Мадоннѣ, витаетъ въ облакахъ и оттуда снисходительно глядитъ на нашъ бренный міръ.

Общій раскатистый смѣхъ покрылъ слова Плеханова. Это сравненіе его было до того удачно, мѣтко и тонко, что, при всей досадѣ на него, Роза Люксембургъ не могла удержаться отъ улыбки. Надо было лично присутствовать при этомъ, чтобы оцѣнить это замѣчательное его сравненіе. Роза Люксембургъ при ея фигурѣ на высокой каедрѣ и Мадонна Рафаэля, окруженная облаками! Талантливая ораторша и, въ свою очередь, довольно остроумная, она, получивъ послѣ Плеханова слово, только и нашлась сказать, въ отвѣтъ на его сравненіе, что онъ — джентльменъ своей остротой нисколько не задѣлъ ея. Вышло у нея не совсѣмъ складно и чувствовалось обратное тому, въ чемъ она хотѣла увѣрить аудиторію.

VI.

Во время первой нашей встрѣчи рѣшительно никто, въ томъ числѣ и самъ Плехановъ, не подозрѣвалъ, что изъ него выработается столь выдающійся полемистъ и мыслитель. Правда, уже и тогда въ отзывахъ о немъ близко знавшихъ его товарищей слышались какія-то особенно благоприятныя для него нотки. Лица, часто встрѣчавшіяся съ нимъ, признавали его способности, любознательность и начитанность, но одни эти свойства еще не выдѣляли его изъ числа, — хотя и незначительнаго, — молодыхъ талантливыхъ студентовъ. Къ тому же, какъ я уже подробно изложилъ выше, въ то время умственные дарованія не особенно высоко цѣнились среди бунтарей, ставившихъ на первое мѣсто моральныя, нравственныя качества, — готовность къ беззавѣтной, самоотверженной преданности народному дѣлу. А въ этомъ отношеніи Плехановъ еще ничѣмъ не успѣлъ себя проявить. Не удивительно, поэтому, что нѣкоторыхъ его ровесниковъ, напримѣръ, Титыча, неизмѣримо ниже стоявшаго во всѣхъ отношеніяхъ, — что наглядно онъ обнаружилъ впоследствии, ставъ капиталистомъ, — многіе современники навѣрно считали тогда выше Георгія Валентиновича, хотя-бы уже потому, что Плехановъ еще готовился къ экзаменамъ, между тѣмъ какъ тотъ уже въ народъ ходилъ и пр.

Мнѣ въ этотъ пріѣздъ не удалось сколько-нибудь сблизиться съ Георгіемъ Валентиновичемъ. Кромѣ его экзаменовъ этому мѣшало еще много другихъ обстоятельствъ. Хотя мы были почти ровесниками, — я былъ его старше всего на годъ, — тѣмъ не менѣе, по тому времени, я уже считался «старымъ революционеромъ», такъ какъ «ходилъ въ народъ», бѣжалъ изъ заключенія и былъ «нелегальнымъ». А онъ еще не порвалъ со своимъ «привилегированнымъ прошлымъ» и отличался «излишнимъ пристрастіемъ къ книгамъ».

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду еще и слѣдующее обстоятельство. Какъ извѣстно, южные бакунисты года на полтора-два раньше сѣверныхъ пришли къ вышеуказаннымъ выводамъ относительно безцѣльности летучей пропаганды крестьянамъ социализма и необходимости, поэтому, заниматься агитаціей на почвѣ уже существующихъ у народа «идеаловъ». При этомъ въ своихъ пріемахъ и тактикѣ южане были рѣшительнѣе сѣверныхъ народниковъ: мы, южане, считали себя болѣе ихъ «революционными». Такъ, извѣстно, что для вызова возстанія, бунта, мы не прочь были прибѣгнуть къ любому средству, не исключая «царской грамоты», «ложнаго манифеста», «самозванства» и пр.

Уже лѣтомъ 1875 г., когда сѣверяне еще не собирались подводить итоги знаменитому хожденію въ народъ, чѣмъ они занялись только осенью, — на югѣ, въ Кіевѣ, извѣстный тогда кружокъ бунтарей, впоследствии не вполне вѣрно описанный Деборіо-Мокріевичемъ въ его воспоминаніяхъ, уже составилъ планъ

организацийъ возстанія среди крестьянъ чигиринскаго уѣзда, путемъ обращенія къ нимъ съ ложнымъ царскимъ манифестомъ. По этому то дѣлу, т. е. за полученіемъ денегъ, я и пріѣхалъ въ Петербургъ.

Мнѣ нужно было свидѣться съ нѣкоторыми единомышленниками, знавшими только въ общихъ чертахъ о нашемъ планѣ. Поэтому я уходилъ съ утра и возвращался только вечеромъ, а то и ночью. Бесѣдовать съ Плехановымъ мнѣ представлялось мало случаевъ. Къ тому же, занятый мысленно нашимъ планомъ возстанія въ чигиринскомъ уѣздѣ, я, вѣроятно, имѣлъ очень конспиративный видъ, что, въ связи съ данной мнѣ Фесенкой характеристикой «страшнаго бунтаря», могло нѣсколько стѣснять новыхъ моихъ товарищей, не желавшихъ, быть можетъ, показаться нескромными своими разспросами.

Какъ-бы то ни было, но мы мало бесѣдовали. Живя въ одной квартирѣ втеченіе нѣсколькихъ недѣль, я улавливалъ внѣшнія проявленія характера и привычекъ Георгія Валентиновича. Такъ, помню, меня удивляла его чрезвычайная серьезность въ столь юномъ возрастѣ, что, какъ мнѣ тогда казалось, вовсе не вязалось съ его привычкой напѣвать изъ «Фра-Діаволо»—«милая женщины, всѣ вы измѣнчивы» или изъ «Прекрасной Елены»—«я, я,—мужъ царицы». Его внѣшность, манеры и обращеніе тоже не соответствовали моимъ тогдашнимъ вкусамъ и понятіямъ о настоящемъ революціонерѣ. Однако, при всемъ этомъ, было что-то особенно импонирующее въ Георгіи Валентиновичѣ. Что именно, я затруднился бы сказать,—по всей вѣроятности, чувствовалось, что это недюжинный молодой человѣкъ.

Но въ тѣ времена немало являлось въ нашей средѣ замѣчательныхъ юношей, которыхъ вскорѣ погубили наши проклятыя политическія условія, не давъ имъ возможности вполне развѣтаться, проявить себя. Уже по одному этому невозможно было угадать, какъ сложится судьба даровитаго студента-горняка Плеханова, что выйдетъ изъ этого юноши.

* * *

Устроивъ свои дѣла,—къ слову, далеко не столь блестяще, какъ я рассчитывалъ,—я въ маѣ собрался въ обратный путь. При этомъ старшій Воскресенскій подаль мнѣ мысль воспользо-ваться правомъ студентовъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній получать билеты по желѣзнымъ дорогамъ, при поѣздкахъ на родину въ каникулярное время, по значительно уменьшенному тарифу. Онъ вызвался поговорить объ этомъ съ Плехановымъ, который, какъ ему было извѣстно, въ то лѣто не соби-рался самъ ѣхать домой, а, слѣдовательно, могъ мнѣ предоста-вить свой студенческій билетъ для полученія по немъ разрѣше-нія на льготный проѣздъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вызван-ныхъ опасеніемъ какъ-нибудь скомпрометировать Плеханова, я, въ виду стѣсненности въ средствахъ, согласился на эту комби-

націю. Вскорѣ затѣмъ Вознесенскій доставилъ мнѣ документы Плеханова, при этомъ передалъ его просьбу прислать ихъ обратно, по минованіи надобности, и не уподобляться тѣмъ изъ нашей братіи, которые даютъ обѣщаніе быть аккуратными въ подобныхъ дѣлахъ, а затѣмъ забываютъ объ этомъ и подводятъ лицъ, положившихся на ихъ слова.

Согласіе Плеханова вручить мнѣ свои документы было мнѣ чрезвычайно пріятно, такъ какъ, въ виду моей тогда нелегальности, онъ, по тому времени, подвергалъ себя большому риску въ случаѣ, если-бы меня подъ его фамиліей арестовали или нашли-бы его документы у меня, по пріѣздѣ на югъ. Но, по счастью, все сошло благополучно: спустя короткое время другой нелегальный, теперь извѣстный шлиссельбуржецъ М. Фроленко, былъ делегированъ нашей организаціей въ Петербургъ для закупки оружія; онъ также, благодаря полученнымъ отъ меня документамъ Плеханова, проѣхалъ по удешевленному тарифу и своевременно отдалъ Георгію Валентиновичу его бумаги.

* * *

Неясныя ожиданія относительно дальнѣйшей судьбы, предстоявшей Георгію Валентиновичу, какъ извѣстно, уже вполне опредѣлились въ концѣ того же года: 6-го декабря Плехановымъ была произнесена первая политическая рѣчь на Казанской площади, послѣ чего имя его разнеслось по всей странѣ, и онъ сразу занялъ чрезвычайно видное положеніе среди революціонеровъ того времени...

Содержаніе вышедшихъ въ 1917—1918 годахъ книгъ журнала „Былое“.

Былое въ 1917 году.

Содержаніе 1-ой (июльской) книги 1. Къ читателямъ «Былого». 2. Изъ исторіи «Былого». 3. Левъ Толстой. Неизданныя страницы изъ «Николая Палкина», съ послѣдствіемъ В. И. Срезневскаго. 4. Левъ Толстой. Письмо къ Николаю II. Б. I. Д. Лукашевичъ. Воспоминанія о дѣлѣ 1 марта 1887 года ч. 1-ая. 6. Письма Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли» къ американскому народу, Льву Гартману, Карлу Марксу и А. Рошфору. 7. Изъ недавняго прошлаго. Бесѣда съ мин. вн. дѣлъ А. Н. Хвостовымъ. 8. Убійство Распутина. Офіціальное дознаніе. 9. Борьба, чѣмъ оригинальнѣе. Случай съ М. Горькимъ. 10. Къ исторіи Зубатовщины а) Исторія «легализаціи» рабочаго движенія б) Докладъ С. В. Зубатова о своемъ удаленіи со службы. 11. А. Бороздинъ. Всемиловѣйшее вниманіе. 12. Императоры Вильгельмъ II и Николай II въ 1904—1907 г.г., невзданная переписка со вступительной статьёй Е. В. Тарле. 13. Изъ писемъ Ратаева. Л. А. Ратаевъ—Н. П. Зуеву, съ прим. В. Л. Бурцева. 14. Б. В. Савинковъ. Воспоминанія. Ч. I, гл. 1. Убійство Плеве 15. Донесенія Евно Азефа. Вступленіе и примѣчанія В. Л. Бурцева. 15. Вл. Кранихфельдъ. В. Я. Яковлевъ-Богучарскій. По архивнымъ документамъ. 16. Архивный документъ. 17. Дѣло Зинаиды Косошляниной. 18. Александръ III о студентахъ. 19. Налетъ П. И. Рацковскаго на типографію «Народной Воли». 20. В. Н. Фигнеръ. Памяти борцовъ за свободу. Рѣчь на митингѣ.

Содержаніе 2-ой (августовской) книги 1. Неизданныя письма А. Н. Радищева. 2. П. М. Рутенбергъ. Дѣло Гапона. Записки. 3. Б. В. Савинковъ. Воспоминанія. Ч. I, гл. II. Убійство вел. кн. Сергѣя. 4. Похороны Льва Толстого до его смерти. Б. I. Д. Лукашевичъ. Воспоминанія о дѣлѣ 1 марта 1887 года. Ч. 2-ая. 6. Кинъ. Невинно-осужденные (Изъ воспоминаній каторжанина). 7. Изъ автобіографіи Вѣры Фигнеръ. 8. Революціонное воззваніе 1831 года. 9. Л. А. Ратаевъ. Евно Азефъ. Исторія его предательства. 10. Разоблаченный Азефъ. Два документа. 11. О лекціяхъ въ кухмистерской М. М. Ковалева. 12. Вл. Кранихфельдъ. В. Я. Яковлевъ-Богучарскій. По архивнымъ документамъ. 13. Секретныя сотрудницы въ автобіографіяхъ. 14. Имп. Вильгельмъ II и Николай II въ 1904—1907 г.г., русскій переводъ переписки А. Бороздина. 15. Типографія Л. Н. Толстого. 16. Критика и біографія.

Содержаніе 3-ей (сентябрьской) книги. 1. Неизданное письмо Н. Г. Чернышевскаго, съ вступленіемъ Мих. Чернышевскаго. 2. Попытка возстанія въ Севастополѣ въ ночь съ 14 на 15 сентября 1907 г. Максимова. 3. Н. И. Кибальничъ и имп. Александръ III. 4. Школа филеровъ. 5. Воспоминанія ч. I, гл. III. Б. В. Савинкова. 6. А. Виноградовъ-Бессель, статья В. Бурцева. 7. Амурская колесная дорога А. Виноградова-Бесселя. 8. Сибирская экспедиція бар. Меллера-Закомельскаго. 9. Дружескія услуги вѣмцкой полиціи. 10. Юбилей Кіевскаго университета А. Бороздина. 11. Изъ автобіографіи Вѣры Фигнеръ. 12. Выдача Л. Г. Дейча (по неизданнымъ документамъ) Е. В. Тарле. 13. „Блондинка“ въ Ясной Полянѣ въ 1910 году (записки секретнаго сотрудника). 14. А. Д. Михайловъ въ крѣпости. 15. Царскоеельскія совѣщанія, неизданные протоколы секретнаго совѣщанія подъ предѣтельствомъ бывшаго императора по вопросу о расширеніи избирательнаго права, съ введеніемъ В. В. Водовозова. 15. Критика и біографія.

Содержаніе 4-ой (октябрьской) книги. 1. Вождь реакціи 60—80 годовъ. Незданная письма М. Н. Каткова Александру II и Александру III. 2. Гр. Лорисъ-Меликовъ и имп. Александръ II о положеніи Россіи въ сентябрь 1880 года. 3. Дѣло Василія Киселева. 4. Рѣчь С. А. Андреевскаго по дѣлу „Дашнакцутюнъ“ въ защиту И. Шапошниковъ. 5. Изъ показаній Вѣры Фигнеръ. 6. Кронштадтское возстаніе. Разсказъ участника Н. Егорова. 7. Редакція и сотрудники „Русской Мысли“. Свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера. 8. Охота за масонами, или похождения ассессора Алексѣева. 9. Дѣло о похоронахъ И. С. Тургенева Ю. Никольскаго. 10. Зубатовщина. Статья С. Зубатова. 11. Последние дни Бѣлинскаго. Незданное письмо жены Бѣлинскаго къ художнику И. А. Астафьеву. 12. Царскосельскія совѣщанія, неизданные протоколы совѣщанія въ апрѣлѣ 1906 года, подъ предѣлательствомъ бывшаго императора по пересмотру основныхъ законовъ, съ введеніемъ В. В. Водовозова. 13. Чернышевскій посѣлъ Сибири. 16. Библиографія.

Содержаніе 5-ой—6-ой (ноябрь—декабрь) книги 1. Письмо П. А. Столыпина Николаю II. 2. Возстаніе л.-гв. Волынскаго полка въ февралѣ 1917 г. Т. Киричникова. 3. Департаментъ полиціи въ 1892—1908 г. (изъ воспоминаній чиновника) А. П. 4. Севастопольское возстаніе 1905 г. Докладъ барона Меллера-Закомельскаго. 5. Изъ воспоминаній защитника. С. Анисимова. 6. На закатѣ народофильства. Саратовца. 7. В. Д. Новицкій. Изъ воспоминаній В. Водовозова. 8. Воспоминанія тяжелыхъ дней моей службы въ корпусѣ жандармовъ. В. Д. Новицкаго. 9. Циркуляръ о В. Л. Бурцевѣ. 10. Изъ неизданныхъ стихотвореній В. Р. Щигалева. (Изъ архива С. А. Венгерова II). 11. Карательная экспедиція ген.-лейт. П. К. Ренвенкампа въ Забайкальской области. П. Переверзева. 12. Взрывъ на Аптекарскомъ островѣ. Дѣло Н. Климовой и Л. Черентьевой. 13. Телеграммы Григорія Распутина. 14. Казнь Квятковскаго и Прысяжкова. 15. Дѣло кн. А. Н. Долгорукова. 16. Прислуженія И. О. Мануйлова (по архивнымъ матеріаламъ). 17. М. И. Гуровичъ и журналъ «Начало». 18. Царскосельскія совѣщанія. III. Протоколы секретнаго совѣщанія въ февралѣ 1906 года, подъ предѣлательствомъ бывшаго императора по выработкѣ учрежденій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. 19. Проектъ борьбы съ анархіей въ 1848 году. 20. «Лицо очень хорошихъ качествъ». Бытовое. 21. «Пораженцы» 1812 года. 22. За чтеніемъ Тува. (Выѣсто библиографіи). Евг. Колосова. 23. Письмо въ редакцію. 24. Содержаніе журнала «Былое» за 1917 годъ.

Былое въ 1918 году.

Содержаніе 7-ой (январской) книги. 1. Отъ редакціи. 2. Пушкинъ въ донесеніяхъ агентовъ тайнаго надзора Б. Л. Модзалевскаго. 3. Письма Николая II П. С. Ванновскому. 4. Воспоминанія Б. В. Савинкова. Ч. II, гл. 1. 5. Письма кн. В. П. Мещерскаго, П. А. Столыпина и Н. А. Маклакова къ П. Г. Курлову. 6. Портретъ А. К. Соловьева. 7. Покушеніе А. К. Соловьева на царубійство 2 апрѣля 1879 г. По неизданнымъ матеріаламъ. 8. Русская армія наканунѣ революціи. 9. Февральская революція и охранный отдѣленіе Б. Г. 10. Мирные переговоры въ Портсмутѣ въ 1905 г. Дневникъ секретаря С. Ю. Витте И. Я. Коростовецъ. 11. Новое о прошломъ. Обзоръ литературы по исторіи революціоннаго движенія. 12. Къ статьѣ «Возстаніе л.-гв. Волынскаго полка».

Содержаніе 8-ой (февральской) книги. 1. Письмо П. А. Столыпина Николаю II. 2. Воспоминанія Б. В. Савинкова. Ч. II, гл. 2. 3. Замѣтки Николая II о народномъ образованіи. 4. Къ біографіи Пушкина А. Шилова. 5. Карьера П. И. Рачковскаго. Документы. 6. Покушеніе А. К. Соловьева на царубійство 2 апрѣля 1879 г. 7. Графъ С. Ю. Витте и Лео Мехелинъ. 8. Мирные переговоры въ Портсмутѣ въ 1905 году. Дневникъ секретаря С. Ю. Витте И. Я. Коростовецъ. 9. Награда за трудъ. 10. Въ концѣ 1916 г. Итоги агентурныхъ наблюденій. 11. Разгромъ „Земли и Воли“ въ 1878 г. Дѣло Мезенцова Н. С. Тютчева. 12. Высылка танцовщицы Числовой. 13. Николай II и самодержавіе въ 1903 г. (изъ итоговъ перлюстраціи). 14. Новое о прошломъ Б. Н.—скаго.

Содержаніе 9-ой (мартовской) книги. 1. Графъ Витте въ борьбѣ съ революціей. Доклады гр. Витте Николаю II о декабрѣ 1905—январѣ 1906 г. 2. Изъ воспоминаній о П. Л. Лавровѣ Н. Карѣева. 3. Общее положеніе къ июлю 1916 г. Записка департамента полиціи. 4. Воспоминанія Б. В. Савинкова. Ч. II, гл. 3. 5. Великій князь подъ надзоромъ. Офіціальная справка. 6. Мирные переговоры въ Портсмутѣ въ 1905 году. Дневникъ секретаря С. Ю. Витте. И. Я. Коростовецъ. 7. Николай II и Финляндія въ 1909 году. Незданные матеріалы. Съ предисловіемъ В. Водовозова. 8. Зуба-

товъ и Маня Вильбушевичъ. Д. Заславскаго. 9. Заявленіе Григорія Гершуни Зубатову. 10. Изъ пережитаго. Воспоминанія Н. С. Таганцева. 11. Анархисты. Изъ воспоминаній политическаго каторжанина. Юсифа Генкина. 12. Покушеніе А. К. Соловьева на царубійство 2 апрѣля 1879 года. 13. Л. Н. Толстой и департаментъ полиціи. Б. Н.—скаго. 14. Новое о прошломъ. Б. Н.—скаго. 15. Г. В. Плехановъ. Матеріалы, собранные департаментомъ полиціи.

Содержаніе 10-ой—11-ой (апрѣль—май) книги. 1. Софія Перовская. Изъ воспоминаній В. Н. Фигнеръ. 2. Къ дѣлу 1 марта 1881 года. Незданные доклады графа Лорисъ-Меликова, В. К. Плеве, ланд. ген. Комарова и резолюціи Александра III. П. Щ. 3. Портреты народовольцевъ. В. Н. Фигнеръ. 4. Къ портрету В. Н. Фигнеръ. 5. Исполнительный комитетъ партіи «Народной Воли» и учредительное собраніе. Изъ воспоминаній А. П. Корба (Прибылевой). 6. Владбище писемъ. I. А. Д. Михайловъ въ дни ожиданія казни. II. Послѣднія письма А. И. Баранникова. III. Послѣднія письма М. В. Тетерки. Сообщ. Б. Н. 7. Казнь Н. Е. Суханова. Архивные документы. 8. Проектъ воздухоплавательнаго аппарата Н. И. Кибальчича. 9. О проектѣ воздухоплавательнаго прибора системы Н. И. Кибальчича. Инженера Н. Рынина. 10. Конституція графа Лорисъ-Меликова. Матеріалы для ея исторіи. Кн. Н. В. Голицына. 11. Совѣтъ министровъ 8 марта 1881 года. Разсказъ графа Лорисъ-Меликова В. А. Бильбасову, съ введеніемъ барона Б. Э. Нольде. 12. Зданіе у Цѣпнаго моста (книга для записи арестованныхъ при III отдѣленіи и департаментѣ полиціи за 1880—1883 гг.). Н. С. Тютчева. 13. Судьба Ивана Окладскаго. Очеркъ Н. С. Тютчева. 14. Показанія первомайцевъ—Н. И. Рысакова, А. И. Желябова, С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, Геси Гельфманъ, Т. М. Михайлова. Изъ актовъ предварительнаго слѣдствія. 15. Послѣднее призваніе Н. И. Рысакова наканунѣ казни. 16. Судъ и казнь надъ первомайцами. Незданные рисунки очевидца. 17. Судьба первомайцевъ. Историческая справка. 18. 1 марта 1881 года и Владимиръ Соловьевъ. Новые документы. П. Щ.

Содержаніе 12-ой (іюньской) книги. 1. Наканунѣ октябрьскаго переворота. Вопросъ о войнѣ и мирѣ. Отчеты о секретныхъ засѣданіяхъ Временнаго Совѣта Россійской Республики. 2. Въ годы юности. За культуру. Воспоминанія И. М. Гревса. 3. Воспоминанія. Окончаніе. Часть II, гл. 5. Б. В. Савинкова. 4. Въ Зимнемъ Дворцѣ 25—26 октября 1917 года. Изъ воспоминаній П. Н. Малянтича. 5. Изъ резолюцій Николая II. 6. Обрѣтаніе мощей преп. Серафима Саровскаго. Изъ итоговъ перлюстраціи. 7. Мирные переговоры въ Портсмутѣ въ 1905 году. Дневникъ секретаря С. Ю. Вятте. И. Я. Коростовецъ. 8. Г. В. Плехановъ. А. Н. Потресова. 9. М. Горькій. Матеріалы, собранные департаментомъ полиціи, съ примѣчаніями М. Горькаго. 10. Новое о прошломъ. По творчеству и ссылкамъ. Б. Николаевскаго. 11. Военные во время нашей первой революціи. Письмо въ редакцію Льва Дейча.

Содержаніе 13-ой (іюльской) книги. 1. В. Г. Короленко подъ надзоромъ полиціи. Къ сорокалѣтнюю литературную дѣятельности. Ө. Покровскаго. 2. Программа перваго въ Россіи с.-д. кружка. Изъ матеріаловъ по исторіи с.-д. движенія въ Россіи. 3. Далекое прошлое. Изъ воспоминаній стараго народовольца. Вл. Юхельсона. 4. Скорбныя страданія штирельбургской лѣгошисы. Б. Н.—скаго. 5. Въ январѣ и февралѣ 1917 г. Изъ донесеній секретныхъ агентовъ А. Д. Протопопова. 6. Молодость Г. В. Плеханова. Воспоминанія Льва Дейча. 7. Записки А. М. Тургенева. 8. «Правдивый изслѣдователь старины» Письмо въ редакцію В. Засуличъ. 9. Покушеніе на великаго князя Николая Николаевича и казнь Коноплинниковой. Н. Ф. 10. «Черный кабинетъ». Изъ воспоминаній бывшаго цензора. С. Майскаго. 11. Александръ III и русскіе эмигранты. 12. Содержаніе „Былого“ за 1917 и 1918 годы.